

исследования / Е.В. Прозорова // Вопросы языкознания. – 2007. – № 1. – С. 44-61.

Русский семантический словарь : толковый слов., систематизир. по кл. слов и значений / [Е.С. Копорская и др.]. – Т. 4 : Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния: 35000 слов и фразеол. выражений. – М. : Азбуковник, 2007. – XXVIII, 922 с.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак, И.Б. Долинина. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

М.А. Мищерикова

*Научный руководитель: В.В. Катермина,
доктор филологических наук, профессор (КубГУ)*

Картина мира человека, группы людей, народа отражает их восприятие объективной реальности. Сама же объективная реальность так плотно переплетена в сознании с субъективной, что невозможно оспорить тот факт, что субъективные представления, которые также можно определить как вымышленные, являются фактором отличия одного человека от другого и, что особенно показательно, человека от других форм жизни. В то же время опыт современной науки (в широком смысле слова) не позволяет нам охарактеризовать вымысел как нечто безоговорочно несуществующее. Множественные смысловые категории данного понятия так или иначе приведут нас к истоку вымысла, вымыслу мифологическому, который возник на заре формирования сознания, а значит, и первой картины мира. Он возник из необъяснимых тогда причинно-следственных связей между объективными компонентами реальности, которые в человеческом переосмыслении достигли столь высокой степени абстракции, что воплотились в новые компоненты реальности – только вымышленные, субъективные. Таким образом, заявить об абсолютном несуществовании вымысла оказывается невозможным, более того, рассмотренный в антропоцентрической парадигме на фоне истории, этнолингвистики или возрастной психологии вымысел также приобретает различную степень субъективного существования. Представляется, что вымышленный концепт субъективно существует, если в него безоговорочно верит субъект. Так, если взять область возрастной психологии, человек совершенно по-разному воспринимает вымысел в разном возрасте. По мнению Т. Зуевой, такое

различие можно продемонстрировать через смену отношений к реальному и ирреальным мирам в человеческом сознании по мере взросления, в которой вера и тождественность миров уступает место неоднозначному восприятию и заканчивается отрицанием [Зуева 1985].

Вышесказанное подтверждает, что вымысел представляет собой многогранную и глубокую проблему для исследования лингвокультурологии и этнолингвистики. Более того, чем выше степень абстракции вымышленного концепта, тем глубже становится данная проблема. Именно поэтому в данной статье мы обращаемся к сказочному вымыслу, в котором, согласно И.Н. Ковтун, «спрессован и жизненный опыт, накопленный человечеством в течение многих тысячелетий, и индивидуальная фантазия безымянных исполнителей, по-своему толкующих ...сказочный сюжет» [Ковтун 1999: 138].

Сказочный вымысел во всех его проявлениях уходит корнями в ту самую первичную, мифологическую картину мира. Развитие сказки из мифа, или отпочкование сказки от мифа, последовательно обосновано В.Я. Проппом и Е.М. Мелетинским. Присоединяясь к вышеприведенной точке зрения этих исследователей, сделаем вывод, что выделение сказки из сакральной субстанции мифов происходило там, где миф терял свою религиозную сущность. Таким образом, миф и сказка отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции [Пропп 1986]. Рассматривая грань между мифом и сказкой, Е.М. Мелетинский показывает, какие признаки, не характерные для мифа, исследователи приписывают сказке и наоборот. Он выделяет самые специфические, необходимые для различения мифа и сказки черты, минимальный набор различительных признаков и его возможные варианты. Признаки представлены парами в оппозиции, среди которых описаны ритуальность мифа – неритуальность сказки, сакральность мифа – несакральность сказки, этнографически конкретный тип фантазии – условно-поэтический тип, мифический – немифический персонаж [Мелетинский 1970]. Здесь необходимо отметить, что если первые три пары представляются безоговорочными, то разделение на мифический и сказочный тип фантазии (вымысла) и героев не столь абсолютно, о чем будет сказано далее.

Итак, сказочный вымысел, произошедший из мифологически-религиозных концептов, делает сказку сказкой и предстает перед читателем воплощенным в компонентах сюжета. По мнению Е.Н. Ковтун, к ним относятся «пространственно-временной континуум, характер конфликта, типы персонажей и форма повествования» [Ковтун 1999: 146]. Типы персонажей и способы их номинации представляют особый интерес для ученых потому, что на фоне действующих лиц сказочного повествования можно ярче всего проследить типичные сказочные

оппозиции, которые в итоге сводятся к противопоставлению реальной и ирреальной действительности (оппозиции «свой-чужой», «центр-периферия», «верх-низ»). Персонажи – представители той или иной действительности, этого или того мира, – не только эксплицитно утверждают наличие этих миров, но еще и характеризуют их: имена, речь, атрибутика персонажей-людей зачастую контрастирует с теми же компонентами образов нечистой силы. Так, С.Б. Адоньева утверждает, что «отношения с миром представляют собой диалог, взаимодействие между человеческим коллективом (социумом) и противопоставленным ему сверхъестественным, сакральным, личностно-воспринимаемым миром (Бог, “духи”...). <...> Подразумеваемые в обыденной жизни сверхъестественные “оппоненты” эксплицируются, сакральный и профанный миры даны вместе, в системе их взаимодействия» [Адоньева 2000: 142].

Далее мы обратимся к одному из фрагментов сказочной системы персонажей в британской картине мира – к демонологии, отражающей представления народа о вымышленном, ирреальном, воплощенные в яркие, экспрессивные образы персонажей нечистой силы, которые, помимо узких задач, решаемых в рамках конкретного текста, являются антагонистами героев или создают сказочный фон «чужого» пространства – как в географическом, так и сакральном смысле. Именно эта ниша сказочных персонажей обладает ярко выраженной преемственностью: большинство лексических единиц, выбранных для обозначения нечистой силы в сказках, выбраны народом и остаются в сказке в своем первоначальном виде, несмотря на эволюцию и различную степень десакрализации разных повествовательных компонентов. Безусловно, эти единицы, то есть именованья, могут варьироваться в зависимости от диалектов, локальных верований и традиций и от случая (переходя от сказителя к сказителю в устной форме, наименования могли попросту быть искажены по сравнению с первоначальным вариантом). Таких примеров очень много: лепреккон, персонаж ирландского фольклора, вид которого иллюстрирует этимологию наименования (с ирландского *luprasan*, от ст. ирл. *Luchorpan* ‘очень маленькое тело’: *lu* ‘маленький’ + *corpan*, уменьш. от *corp* ‘тело’), в английских сказках фигурирует как *Leprechaun*, а в ирландских как *Leipreachán* и *Lepracaun*, тогда как изначально форма этого слова по некоторым источникам была *Lubrican* в Англии (17 в.) и *Leithbragan* в Ирландии, что дало почву второй версии этимологического анализа (*leith* ‘половина’ + *brog* ‘башмак’) и той части легенды, в которой лепреккон часто занимается починкой башмака [Online Etymology Dictionary 2001-2012]. С еще большей уверенностью о преемственности в паре миф-сказка можно говорить в отношении самих

образов, скрывающихся за языковыми единицами, которые графически, фонетически, морфологически и лексически подвержены изменениям. В данном случае имеется в виду та самая абстракция, которая сначала сложилась в сознании, а потом была зашифрована сверх всех обобщений в языковом символе: жестокий человекообразный гигант, поедаящий людей, присутствует как в английском, так и в ирландском и шотландском фольклорных текстах. Сам образ родился как мифоконцепт, а в сказках он воплощен в лексемах *Giant* и *Ogre*. Таких примеров можно найти массу, и картина становится еще обширней оттого, что внутри демонологического пространства сказок Британских островов очень сложно выстроить общую иерархию (или «семейное древо», смотря как рассматривать эту проблему) представителей нечистой силы. Так, слова *Ghost*, *Spook*, *Apparition* являются синонимами и представляют мифоконцепт «привидение». Однако эта ветвь демонов дополняется существами, называемыми *Bogle* (*Boggle*, *Bogill*) и *Will-o'-the-wisp*, которые определяются в словарях через синонимическую доминанту *Ghost* и присущие им индивидуальные признаки. Примерно такая же, если не сложнее, ситуация складывается с «родственными» отношениями существ *Brownie* и *Redcap*: все они относятся к условному классу *Goblin*, различаясь характером: *Brownie* заявляется «benevolent» (благосклонным), *Redcap* – «cruel» (жестоким). В то же время *Bogle* Википедия называет разновидностью привидения, да и *Goblin* также описан с помощью лексемы *Phantom*. Получается, что даже две этих условно выделенных группы находятся между собой в родстве. Представляется уместным процитировать сказку «The Claud Lad of Hilton»: «What's a Brownie? you say. Oh, it's a kind of a sort of a Bogle, but it isn't so cruel as a Redcap!» [Jacobs 1890: 144]. (Что такое этот Брауни? – спросите вы. О, это что-то вроде вида Богла, но он не такой жестокий, как Красный Колпак!¹).

Еще одним показательным примером станет ряд *Fairy*, *Elf*, *Pixie* (*Pixu*, *Pixi*, *Pizkie*). По сути все эти существа – феи или эльфы (в русском языке различия между ними тоже очень размыты или контекстуальны). Что касается Пикси, то, как показывают исследуемые тексты, они – феи, то есть *Fairies*, отличающиеся очень маленьким размером, что дает повод назвать их неким видом или подвидом фей. Однако, кроме маленького размера, для них характерно шаловливое, детское поведение, и это наводит на мысль, что это могут быть дети фей. Но в то же время словом *Fairies*, которое уже появляется в русском в виде перевода-транскрипции – *Фэйры*, называют в современной литературе и массовой культуре всех волшебных, ирреальных существ. Таким образом, лексемы, обозначающие представителей английской сказочной демонологии,

¹ Здесь и далее перевод наш. – М.М.

многозначны и одновременно неоднозначны, и, кроме того, вариативны, но сами архетипы, или мифоконцепты остаются в фольклоре еще со времен мифа как сакральной субстанции.

Такое ярко выраженное разнообразие одновременно с прецедентностью лексем-наименований, как апеллятивов, так и онимов, представляет собой благодатный материал для различного рода классификаций, чем и занимаются лингвисты. Необходимо отметить, что в демонологическом пространстве наименований очень сложно разграничить имена собственные и апеллятивы. Подобную ситуацию можно наблюдать и среди других сказочных персонажей, например, зоонимов, однако среди наименований нечистой силы неэффективным может оказаться даже решающий признак «последней инстанции» для определения типа имени (собственного или нарицательного) – заглавная или строчная буква и артикли. Дело в том, что заглавная буква может употребляться для демонстрации потусторонним силам уважения или даже быть традиционным признаком апеллятива, принятым в далеком прошлом с той же целью. Видится, что в примере из сказки «The Cauld Lad of Hilton», приведенном выше, такая тенденция как раз соблюдается, потому что, несмотря на заглавную первую букву в именовании существ, имеются в виду некие видовые названия, но вот конкретный Brownie, о котором идет речь дальше, был «...the contrariest Brownie you ever knew» (...самый противоречивый домовый, которого вы знавали) и звали его *the Cauld Lad* [Jacobs 1890: 144]. Несмотря на то что имя носит явные признаки апеллятивов (определенный артикль, *Cauld* со староанглийского – ‘холодный’, *Lad* – ‘парень’), имя явно собственное: оно выделяет среди Домовых конкретно этого, с его собственным характером и местом жительства.

Исходя из этой ситуации, мы рассмотрим далее лексемы языковой репрезентации английской сказочной демонологии как один пласт, подразумевая наличие среди них и апеллятивов, и онимов. Такой подход представляется необходимым в том числе и для создания цельной классификации наименований, относящихся к нечистой силе в английских сказках. Существующие классификации именованных персонажей английской сказки представлены различными исследователями и служат конкретным целям их работ – так, И.В. Палаева и М.В. Демина, работая над гендером в фольклорной английской картине мира, предложили каждая свою классификацию, отражающую тему их исследования. Говоря о демонологии, целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть классификацию единиц, отражающую источник, или происхождение вымысла. В соответствии с ней, на наш взгляд, названия-имена английской нечистой силы делятся на три группы:

1. **Мифологические**, соответствующие абстрактным образам, возникшим в народной картине мира еще до возникновения сказки и с ее появлением развивающиеся по пути десакрализации и стилизации. Это самая многочисленная группа, занимающая 48 % от общего количества демонологем в текстах. К ним относятся *Bogles, Fairies, Brownies, Redcaps, Pixies, Will-o'-the-wisps, Elves, Witches, Apparitions, Ghosts, Spooks, Dwarves, Giants, Ogres*. Все они, будучи мифоконцептами, имеют более-менее постоянные признаки и связанные с ними ассоциации. Так, например, Великаны и Огры – огромные существа, похожие на человека, обладающие необыкновенной силой и питающиеся людьми, и все эти качества отражены в фольклоре: «Then in came a big giant five times as tall as he» [Jacobs 1894: 203] (Затем вошел большой великан раз в пять больше него самого); «But a giant came up to him, and said: “I'll carry you over”» [Jacobs 1890: 37] (Но великан подошел к нему и сказал: «Я тебя перенесу»); «My man is an ogre and there's nothing he likes better than boys broiled on toast» [Jacobs 1890: 53] (Мой муж – великан и нет ничего, что бы он любил более, чем прожаренные мальчишки с тостами).

2. **Религиозные**, которые появились с переходом от мифа как образа мышления, иррационально объясняющего происходящие явления, к религии как определенному комплексу из веры, ценностей и социальных институтов; а также наименования, которые настолько органично перешли из первого во второе, что стали неотъемлемой частью религиозной народной картины мира. В исследуемом фольклорном материале эта группа представлена такими наименованиями, как *Angels, Demons, Evil Spirits, Spirits, Devil (Divil)*. Такие персонажи довольно редко являются напрямую действующими лицами сказок, чаще всего они представляют наличие другого мира, помогают описать миропорядок: «It told how many angels there were in heaven, ...and it told of the demons, how many of them there were...» [Jacobs 1890: 61] (Она [книга. – М.М.] рассказывала, сколько ангелов на небе, ...рассказывала и о демонах, и об их количестве). Однако в некоторых текстах такие существа начинают принимать активное участие в действии: «Then the evil spirit stepped towards him, and putting forth his hands touched his throat» [Jacobs 1890: 61] (Затем злой дух подошел к нему, и его вытянутые руки дотронулись до его горла). Тем не менее в фольклоре они употребляются скорее в качестве исключения, что подчеркивает его мифологический характер: для сравнения, религиозные именованья составляют только 5 % от всех.

3. **Окказиональные**, довольно характерные наименования для демонологических персонажей, занимают 22 %, состоят из обычных апеллятивов и представляют собой ситуативное описание нечистой силы по внешности, ведь сказочный сюжет может столкнуться с неизведанным,

чему еще нет имени. В рассмотренных сказках были встречены такие наименования, как *a small little black thing with a long tail, a strange squinny-eyed little ugly old fellow, three little red men, dreadful beasts, the Monsters, dreadful dragon, a Laidly Worm, a tiddy thing, crawling Horrors, fiery serpents and dragons, the fearful Laidly Beast, lawless evil beast, a Huge Monster*. В ходе исследования функционирования данной модели было установлено, что ее отличительной особенностью является структурный характер единиц – в отличие от предыдущих, здесь преобладают составные именованные, включающие в себя достаточно слов, чтобы описать того или иного демона: «She upped and opened it, and what should she see but a *small little black thing with a long tail*» [Jacobs 1890: 19] (Она поднялась и открыла окно. Что же она увидела? Незаметное маленькое черное существо с длинным хвостом). Частым компонентом таких наименований служат эмоционально окрашенные и оценочные лексемы: «But there came to dwell within him a *lawless evil beast*, that afflicted him with hunger that ceased not, and might not be satisfied, so that he would devour a pig, a cow...» [Jacobs 1894: 136] (Но вселилась в него необузданная злая тварь, которая пробуждала в нем голод, который не прекращался и не мог быть утолен, и он мог проглотить свинью, корову...).

4. **Смешанные**, представляющие собой комбинированное употребление первой и третьей группы наименований, охватывают 25 % всей системы единиц. Многие из них представляют собой сочетание мифологического наименования и описательного или коннотативного компонента, например, *a great wild giant, a monstrous giant, a giant with three heads, the Witch of one Horn, the Witch of the two Horns*. Очевидно, что такие модели близки к обычному контекстному словосочетанию, поэтому среди комбинаций этой группы наиболее интересны те, что содержат равноправные окказиональные и мифологические компоненты: *ghost of his dead wife, the queen of the fairies, the witch-queen, the old pixy thief, the elf-mother, the witch-bodies, the fairy host*.

Таким образом, опираясь на результаты наших исследований, можно утверждать, что сакральные и иррациональные смыслы, скрытые в любой демонологеме, могут быть представлены совершенно разными языковыми единицами. Что касается мифологического концепта, изначально стоящего за вымыслом в качестве его истока, то он является архетипичным и, кроме того, неотъемлемым компонентом любой народной картины мира.

Список литературы

Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура / С.Б. Адоньева. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. – 181 с.

Зуева Т. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре для

детей / Т. Зуева // Проблемы интерпретации художественных произведений. – М., 1985. – С. 147-148.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е.Н. Ковтун – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

Мелетинский Е.М. Миф и сказка / Е.М. Мелетинский // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. – М., 1970. – С. 284-296.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.

Celtic Fairy Tales / ed. J. Jacobs. – London : D. Nutt, 1892. – 267 pp.

English Fairy Tales / ed. J. Jacobs. – London : D. Nutt, 1890. – 253 pp.

Harper D. Online Etymology Dictionary 2001-2012 / Douglas Harper [electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php> (дата обращения: 21.11.2012).

More Celtic Fairy Tales / ed. J. Jacobs. – London : D. Nutt, 1894b. – 234 pp.

More English Fairy Tales / ed. J. Jacobs. – London : D. Nutt, 1894a. – 243 pp.

СЛЕНГ ГЕЙМЕРОВ

А.М. Зияитдинов

*Научный руководитель: А.А. Шагеева,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Понятие сленга все больше начинает завоевывать внимание современной филологии и является актуальным вопросом последней, чем объясняется выбор сленга в качестве объекта нашего исследования. Изучение сленга невозможно без уточнения его определения, а также отграничения данного понятия от близких ему понятий.

В настоящее время существует достаточно большое количество определений сленга, нередко противоречащих друг другу. Противоречия эти касаются прежде всего объема понятия «сленг»: спор идет, в частности, о том, включать ли в сленг одни лишь выразительные, ироничные слова, которые являются синонимами литературных эквивалентов, или же еще и всю нестандартную лексику.

Дать определение сленгу пытались многие ученые, как отечественные (В.А. Хомяков, О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин и др.), так и зарубежные (Ч. Фриз, Эрик Партридж, Р. Спирс и др.). Однако можно констатировать, что, при всей его популярности, в настоящее время ученые еще не полностью сошлись в мнении относительно точного определения сленга.

Согласно Н.О. Орловой, можно выделить несколько наиболее существенных свойств сленга.

1. Сленг – это нелитературная лексика, т.е. слова и сочетания, находящиеся за пределами литературного языка – с точки зрения требований современной литературной нормы.